

Это случилось с нами на Земле Александры архипелага Земля Франца-Иосифа в начале восьмидесятых годов. После «навигации», осенью, я с двумя солдатами, будучи тогда заместителем командира по технической части, перегонял солярку из больших береговых ёмкостей к нам на базу. Как правило, мы это делали всякий раз после прихода танкера с Большой земли. Танкер скачивал дизельное топливо в большие береговые ёмкости. А потом мы приезжали в бухту и вполне простым и примитивным способом из пятидесяти кубовых ёмкостей с помощью мотопомпы, работающей на двигателе «Москвич», по трубопроводу примерно в шесть километров перекачивали топливо к нам. Казалось бы, нехитрая операция, а всегда проходила по-разному. Всё зависело от многих обстоятельств: работоспособности техники, погодных условий и, конечно же, подготовки личного состава, то есть тех моих помощников, которые обслуживали мотопомпу и перекидывали вручную шланг из ёмкости в ёмкость, обеспечивая таким способом непрерывную подачу топлива в трубопровод. Всё это удовольствие занимало у нас два-три дня, если всё шло в штатном режиме. Из снаряжения у нас была радиостанция для связи с базой, карабины СКС, инструмент и запас продовольствия. А сами мы располагались в стандартном прицепике, где кроме печки-буржуйки, работавшей на угле, были оборудованы простенькие лежаки из досок в два яруса и небольшой столик для командира.

В тот день старшина на грузовой машине доставил нас на берег океана, и, оставив меня с двумя солдатами в этом прицепе, как мы его ещё называли, «балочке», для выполнения «боевой» задачи по обеспечению топливом нашего хозяйства, мирно удалился восвояси. Оставшись одни среди бесконечного океанского простора, мы живо принялись за работу. Мои помощники легко управлялись с мотопомпой и также легко, почти играючи, перебрасывали довольно-таки увесистый всасывающий шланг мотопомпы из одной береговой ёмкости в другую. Один из солдатиков готовил на печке обеды из жареных мясных консервов и макарон, а я следил за связью с объектами и давал указания принимающей стороне по приёму топлива. Казалось, всё идет идеально. Настроение у нас было от-

менное, почти радостное и даже в чём-то восторженное. Ведь мы наконец-то получали долгожданное топливо для жизни на этом острове. Иногда я выходил из «балка», чтобы проверить, как идёт работа возле ёмкостей. Между делом любовался арктическими просторами, айсбергами, крутыми берегами и думал: «До чего же удивительным образом всё это устроено! Просто чудеса, да и только. Как всё замечательно кругом! Радует глаз – а что ещё нужно!»

Но как говорится, кто не знает Арктики и пренебрегает её законами – тому море по колено. То есть, что ни говори, а там всегда нужно держать ухо востро. Вот и на этот раз буран или, как мы его называли «вариант», долго не заставил себя ждать. Буквально через несколько часов после начала нашей дружной и слаженной работы от ясного, солнечного дня ничего не осталось. Ветер усилился, пошёл снег, и небо будто перевернулось. Над островом повисла тяжелая, страшная мгла. Мы поспешили в «балок», чтобы укрыться, надеясь, что всё это ненадолго. Впрочем, непогода только усиливалась и затягивалась. Потянулись томительные минуты, затем часы ожидания. Между тем моим солдатам приходилось выходить из укрытия и в таких жутких условиях, когда невозможно было устоять на ногах, перебрасывать шланг. С каждым разом эта операция происходила все сложнее и сложнее. Наконец, они просто выдохлись и, будучи не в силах стоять на ногах, развалились на лежаках. Я попытался выйти и самостоятельно перебросить шланг, но получалось у меня это не так ловко. Пока я возился, солдаты задремали, и никто из нас троих не заметил, как мотопомпа заглохла. В систему попал воздух, и топливо перестало поступать на базу.

– Рядовой Долгих, вставайте! Мотор заглох! – тормозил я нашего тракториста-моториста, которого все звали просто Сашка. Это был настоящий знаток двигателей. Специалист с большой буквы. Этим он подчас бравировал и гордился. Если что-то серьёзное случалось на базе с двигателями на каком-либо объекте, всегда обращались к нему.

Моторист, проснулся, но ещё не разобравшись, что произошло, вышел, чтобы запустить двигатель. Пару раз ему это удалось. Но затем мотопомпа вовсе заглохла. И на этот раз окончательно. Оказалось, что вышел из строя бензонасос. Надо было ремонтировать. Но запасного, как на зло, не взяли. Да и был ли он у нас на базе – вопрос. Работа остановилась. Долгих снял насос и занёс его в прицеп.

Мы собрались в балке и стали ждать, пока буран утихнет. Дуло, как из вентиляционной трубы. Весь океан затянуло сплошной тёмной мглой, из-за которой вокруг ничего нельзя было разобрать.

Долгих возился с насосом. Всё это время я и другой рядовой по имени Василий пытались выйти на связь с базой. Мы по очереди вызывали на связь то дежурного, то командира, но нас попросту никто не слышал в эфире. Наконец, наши усилия установить связь, запустить насос, просто поддерживать жизнедеятельность иссякли. Мы погрузились в глубокое и монотонное существование. С каждой минутой я видел, как лица моих подопечных становились все мрачнее и мрачнее.

В это время неведомо откуда появилась ещё одна проблема, которая стала, что называется, последней каплей в нашем положении. Мы почувствовали, что вокруг балка кто-то ходит. Вначале мы как бы обрадовались, думая, что за нами приехали. Однако не тут-то было. Нас посетил одинокий белый медведь-шатун. Он пожаловал, наверное, на распространившийся по бухте запах жаренных мясных консервов. Шатун долго бродил вокруг да около, пока совсем не приблизился к балку. Мы забаррикадировались и приготовились к отражению нападения. На всякий случай я взял карабин и передёрнул затвор. Медведь стал ходить вокруг прицепа, вдыхать наши запахи и время от времени ударять лапой по деревянной стенке прицепа. А стенка была не ахти какая прочная. С каждым ударом страх заставлял нас, как бы сворачиваясь в себя, задерживать дыхание, обострять слух и в таком напряжённом состоянии сидеть неподвижно. Мы молча смотрели друг на друга и было видно, как ожидание чего-то неизведанного и страшного поселилось в нашей крохотной камерке.

– Да он сейчас перевернёт нас к едрит твоей бабушке... – ворчал и ругался Сашка. – Там точно – целая громила!

– Ага, смотри, как шарабанит... – шептал Василий.

– Тсс... – показывал я пальцем у рта солдатам, чтобы те затаились, а сам ещё крепче держался за карабин. В эти минуты я весь сжимался и превращался в один сплошной слух.

Через крохотное решётчатое окно трудно было рассмотреть медведя. Да и желание лицезреть настоящего людоеда, как выяснилось намного позже, в моей полярной практике, у нас, честно говоря, не было.

Наконец, самые сильные удары медведя стихли, и мы только могли слышать его похрапывание и посапывание, да тяжёлый хруст снега от его грузного, монотонного передвижения вокруг прицепа. Потянулось томительное время нашей молчаливой обороны. Слышно было, как медведь то уходил, то снова возвращался, с каждым разом, как это не покажется странным, притупляя нашу бдительность. Всё это продолжалось почти целый день. Наконец, медведь-шатун и вовсе куда-то исчез. Мы попытались выглянуть из прицепа, но тут же были накрыты сильным, ураганным ветром. Мотопомпа оказалась почти занесённой снегом. Вокруг ничего нельзя было разглядеть. Больше попыток высовываться не предпринимали.

Так мы остались на острове без радиосвязи и с непрекращающейся метелью. Выходить за углем для печки-буржуйки мы не рисковали. Пользовались тем немногим, что осталось в прицепе. Поэтому наверху балка было ещё тепло, а вот внизу по стенкам уже наслаивался довольно-таки приличный слой изморози. К тому же наш скромный продовольственный сухой паёк из консервов, свежего лука после корабельной навигации, хлеба и полуварёной картошки в банках близился к концу.

Чтобы как-то коротать время, каждый занялся своим. Солдатики мои то спали без задних ног, то ковырялись в своих куртках, в надежде их привести в какой-то подобающий вид после работы на ёмкостях. Долгих время от времени возился с разобранным бензонасосом, ворча и приговаривая: «И кто только такое у нас делает? Руки бы повыдёргивал!». Сквозь страшную пургу он все-таки пару раз пытался выходить к мотопомпе, чтобы приладить его, и всё время возвращался ни с чем. Наконец, я вообще запретил ему это делать, так как боялся за его безопасность.

– Как хотите, товарищ лейтенант, а только так я ничего не сделаю. Бензонасос надо пробовать при запуске двигателя. К тому же диафрагма в насосе ни к чёрту. Совсем порвалась...

– Правильно. Вот тебе насос и свищет, как из ведра! – я пытался держаться на уровне своих технических знаний о двигателях.

– И без вас знаю..., и что теперь? – дерзил Сашка.

– А то, рядовой Долгих, что с таким бензонасосом мы всё равно долго не проработаем. И бензина не хватит... да и медведь сейчас непонятно где...

– Где же я вам возьму тут новую диафрагму? – ворчал Сашка.

– Получается – нигде, – соглашался я и сворачивал этот бесплодный разговор. – Поэтому сидим и не дергаемся, пока погода не наладится.

После таких острых и бесполезных дискуссий мой приказ был воспринят подчинёнными как окончательное решение.

Чтобы отвлечься от не совсем простой обстановки, которая складывалась в нашем небольшом коллективе, я принялся читать томик прозы и драматургии Пушкина, который я захватил с собой в надежде скоротать свободное время, если оно вдруг окажется. Конечно, я не думал, что его может оказаться так много. В этом издании нашего выдающегося классика стихов не оказалось. Жалея, что не могу прочесть их солдатам, осилив «Повести Белкина», потихоньку вгрызался в смысл трагедий «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери». Мысли о злосчастной сломанной мотопомпе, отсутствии связи, а главное – о том, что о нас попросту все действительно позабыли, наверное, думая, что у нас всё отлично и мы сидим здесь, словно на курорте, совсем утомили моё сознание. Я пытался всё это гнать из моей воспалённой головы, надеясь на лучшее. И в этом мне мог тогда помочь только... Пушкин. Я всё больше и больше погружался в чтение. Иногда особенно интересные с моей точки зрения отрывки поэтической формы произносятся вслух, тем самым заполняя молчаливое пространство в нашем замкнутом царстве. Таким образом, я думал заинтересовать моих помощников классикой. Но для них всё это было безразлично.

– А продуктов у нас, товарищ лейтенант, совсем с гулькин нос осталось, – всё больше и больше ворчал Василий, пытаясь что-то приготовить поесть и совершенно не слушая Пушкина в моём прочтении.

Я глянул на пустые ящики, где красовалась одна открытая полупустая банка тушёнки и несколько полусгнивших луковиц, и ничего не ответил.

– Протянем мы тут ноги, как пить дать, – вторил ему рядовой Долгих.

– Не протянем... – успокаивал я солдатиков. – Скоро за нами приедут.

– Как же приедут, если связи нет? – не унимался Василий. – Я их вызываю, а они молчат. Дежурный там спит что ли?.. И на командном пункте молчат.

– Нас никто не слышит. Они про нас все забыли! – в резкой, бескомпромиссной форме резюмировал наше положение Долгих.

– Ничего, скоро услышат, – как-то неубедительно успокаивал я солдат, а сам пытался не отрываться от текста.

Так продолжалось почти двое суток. За нами никто ни ехал.

Я потихоньку продолжал читать вслух, а мои солдатики отсыпались, что называется, без задних ног, словно за всю службу. Храп и стон раздавались на весь балок. А когда мы просыпались, машинально шныряли руками, что называется «по сусекам», чтобы найти хоть что-то съедобное. Не найдя, снова погружались, как мне казалось, в дикое, мрачное опустошающее отупение и бессмысленное раздумье о будущем.

Когда я дошёл в «Скупом рыцаре» до последней фразы Герцога: «Он умер. Боже! Ужасный век, ужасные сердца!», от радости, которую я испытывал от соприкосновения с настоящей классикой, с настоящим творением гения человечества восторженно от себя добавил:

– А, каков Пушкин! Ай, да Пушкин! Какое слово! – Не мог успокоиться я от той радости, которую испытывал в эти минуты. Но, похоже, моим помощникам было не до радости общения с классикой.

Вдруг неожиданно для меня в балке раздался почти безумный крик рядового Василия:

– Какой еще «век», товарищ лейтенант? Задолбали вы уже этим Пушкиным! Что жрать-то будем сегодня?! Ничего больше не осталось!

– Я тебя сожру! – направил на него карабин рядовой Долгих. – Надо было рассчитывать, ослиная голова твоя...

Услышав эти слова, мне показалось, что это рядовой Долгих спросонья так шутит. Это его, быть может, такое не совсем культурное развлечение. Но через несколько секунд стало понятно, что никаких таких шуток и близко нет.

– А ну, давай ищи, мать твою! – не успокаивался Долгих.

– Я тебе говорю, что всё закончилось... – робким голосом произнес Василий.

– Потихоше можно?... – я аккуратно старался погасить их перебранку.

Вдруг я заметил, как на лице Долгих в это мгновение появилась какая-то безумная гримаса. Без смысла и малейших признаков человеческого разума.

– Чего, испугался? Я тебе не Пушкин! – Долгих передернул затвор карабина. – Мне плевать. Ты за «пайку» отвечаешь!..

Я глянул на Долгих, направившего карабин на Василия. Потом бросил взгляд на Василия и почти шёпотом произнес:

– Сашка, карабин-то положи ... – как можно аккуратней произнёс я.

– И тебя заодно! – Обращаясь ко мне на «ты», уже достаточно твердым голосом произнёс Долгих, направляя карабин на меня.

В этот момент я не заметил, как второй карабин оказался в руках Василия.

– А только попробуй! – наставлял карабин Василий то на Сашку, то на меня.

Я понимал, что, если я сейчас проявлю весь свой начальственный тон и покажу свою командирскую власть, меня могут ждать совершенно непредсказуемые последствия и весьма большие неприятности. Двое ребяток с карабинами были весьма серьёзным аргументом в пользу моих осторожных мыслей. К тому же рядовой Долгих был весьма внушительной комплекции. Да и Василий вовсе не ягнёнок. И всякое могло произойти после моих слов об Уставе, беспрекословном подчинении солдат командирам и начальникам, а также о достойном «перенесении советским воином всех тягот и лишений воинской службы».

– Э-э... , поосторожней, братцы, – попытался я всё перевести в шутку, снова ложась поудобнее на кушетке. В этот момент я специально сделал вид, что меня их вольница вовсе не страшит и этими их угрозами меня уж точно не запугать. – Палка один раз в год и то стреляет, а уж карабин – и по-давно... – вспомнил я отцовскую поговорку про оружие.

В этот момент я почувствовал, как в воздухе запахло чем-то страшным, смертельным. Этот запах привёл нас троих в какое-то оцепенение, в наших глазах в эти минуты читалось что-то запредельное и жуткое. Боковым обострившимся зрением я видел, как оба солдата сжимали карабин и указательными пальцами дотрагивались до спускового крючка.

– А всё-таки, ребятки, у Пушкина всё удивительным образом замечательно! Какие образы ге-

роев! Сколько жажды жизни! – нёс я какую-то бессвязную околесицу, лишь бы только разрядить накалённый воздух в нашем трехметровом балке. Лишь бы отогнать прочь поселившуюся панику в нашем крохотном жилище.

– Ты это, кончай. Мы тебе не маленькие! – не унимался Долгих, «тыкая» мне вместо обращения на «вы» и тут же тыкая в меня карабином. – Что жрать-то будем, а? «Зампотех» ты наш хреновый! Я жрать хочу, а не подыхать здесь с твоим Пушкиным! Понятно тебе?

– Ну, почему за нами не едут, товарищ лейтенант? – уже тут же принял его сторону Василий и каким-то жалостливым и страшным голосом давал мне понять, что его терпение тоже не бесконечно.

Я понимал, что одно моё неловкое движение – и всё может закончиться непоправимым выстрелом.

– Да вы что, ребятки... – я попытался дрожащим голосом успокоить моих помощников. – Конечно же, они скоро приедут. Как немного стихнет пурга, так обязательно и приедут. Куда же они денутся... Зачем так волноваться? Давайте я вам лучше «Моцарта и Сальери» почитаю.

– Да заткнись ты со своим Моцартом. И так тошно! – разъярённый Долгих особенно негодовал. В его простой, деревенской сути было что-то древнее и чистое. Но в то же время глупое и бессмысленное.

Я ещё долго пытался им что-то объяснить. Пускал в ход разные словечки из культурного лексикона. Приводил позитивные примеры из искусства, философии и общечеловеческого гуманизма. Пытался, словно лицедей на арене цирка, в шутливой форме увещевать. Даже зачем-то снова вспомнил ещё раз про Пушкина. Но классик явно сейчас был мне не помощник. При его упоминании солдатики вздрагивали, зверели и наотрез отказывались воспринимать авторитет бесспорного классика «всех времён и народов». Для них сейчас вообще никаких авторитетов не существовало. Что-то запредельное, нечеловеческое поселилась в их душах. А я, к сожалению, словно тот «вши-вый интеллигент», только без очков, был совершенно беспомощен перед ними. От своего бессилия я просто не знал, чем их успокоить, усмирить и как поселить в их сердцах веру и надежду, что всё будет хорошо. И даже более того – просто замечательно. Иногда у моих подопечных вдруг что-то просыпалось, и какими-то другими глазами они смотрели на меня. Затем, переглянувшись и думая, что у меня от голода совсем крыша поехала с моим этим Пушкиным, опять смотрели на меня, как на какую-то вражину и бесполезную вещь. Мне казалось, что свой приговор они мне уже давно вынесли. Дело было только во времени его исполнения.

Впрочем, надо заметить, что всё-таки мои жалкие потуги навести порядок в нашем замкнутом пространстве, мои уговоры и увещевания возымели пусть небольшой, но успех. В какой-то момент я воспользовался тем, что они потеряли бдительность, оставили карабины в сторону и снова улеглись как два полновластных хозяина положения в этом беспросветном царстве тьмы, где по-прежнему царили ужас и смертельная опасность.

В этот момент со словами: «А впрочем, вы всё равно ничего не поймёте!», – я соскочил с верхнего лежака, резко рванул ручку дверного замка, и, открыв двери, оказался на свободе. Меня сразу же обожгло ледяной пургой. Но это был словно освежающий душ после раскалённого пламени удушающей и раздражающей власти беспросветной тьмы. Моя неспособность что-либо доказать, объяснить и как-то повлиять на этих двух молодых людей, которые своими безумными действиями ослушались своего начальника и по сути поставили себя вне закона, теперь безжалостным образом гнали меня от этого места прочь.

В эти минуты, отвергая всякую опасность и хоть какой-то здравый смысл, я брёл куда глаза глядят, подальше от нашего балка. Я не оглядывался и совершенно был уверен, что никто за мной не погонится и никто меня не остановит. Так оно и случилось. Я удалялся в сторону океана совершенно один, забыв обо всём на свете, обуреваемый одним только желанием – оказаться как можно дальше от смертельной опасности. Опустошительные чувства бессилия и беспомощности, раздражение и стыд за мои педагогические неудачи горе-начальника гнали меня всё быстрее и быстрее в непонятную, беспредельную даль.

Не помню, сколько я прошёл в этой белой беспросветной мгле. Но когда немного стало стихать, и ветер прекратил свои бесконечные бесчинства и разгул, я заметил, что удалился от берега на приличное расстояние. По сути, бухта оказалось у меня за спиной, и я оказался в открытом океанском пространстве среди бесконечного ледяного пространства, множества торосов, айсбергов и

подавляющей всё на свете белизны полярного дня. Нигде не было никаких примет хоть какой-то жизни, за что можно было бы, как говорится, зацепиться глазом. Всё казалось единым, бесконечным и совершенно однообразным пространством. Все краски состояли из двух цветов: бледно-голубого и белого с серыми бесформенными тенями от торосов. Я попытался сориентироваться на местности, но у меня ничего не получилось. Берега не было видно. Вернее, его еле заметные черты лишь угадывались где-то далеко-далеко. Причём когда я смотрел в океанское пространство, то мне вдали тоже мерещилась береговая линия. И наоборот. В какой-то момент мне стало совершенно ясно – я здорово заплутал. Да так, что не знал толком, где север, юг, запад и восток. Я был один. И у меня ничего не было. Впрочем, вдруг я ощутил некий прилив энергии. От беспамятства я позабыл, что держу в руках карабин, который машинально прихватил, когда словно пуля вылетал из балка. Весь этот длинный, бессмысленный путь я, оказывается, ощущал его в руках, словно никому не нужную палку. Но лишь только я увидел на снегу совершенно свежие следы медведя, эта «палка» в моих руках тут же превратилась в спасительное оружие. Я снял мою офицерскую шапку-ушанку и положил на след. Она едва закрывала его.

«Вот и он! – жуткая мысль сразу же поселилась в моей голове. – Где-то здесь бродит наш шатун».

В эти мгновения я понял, что, убежав от одной угрозы, я столкнулся, по сути, с другой. От испуга я стал оглядываться по сторонам и блуждать на месте кругами. Затем мне казалась, что я, вроде бы, иду обратно, к берегу, надеясь, что там как-нибудь выберусь к нашему балку. Однако чем дальше я шёл, тем непонятнее становилось, куда лежал мой путь. По сути, я брёл наугад. Я плутал, обходя большие, фигурные торосы и окончательно теряя хотя бы – пусть иллюзорную – ориентацию на береговую черту. Между тем, медвежьи следы становились всё отчетливее и, как мне показалось, всё свежее и свежее. Зрение стало обостряться, и я всматривался в каждый торос, стараясь не пропустить ни одного крупного, за которым мог бы притаиться мой единственный здесь грозный соперник. Слух также обострялся до предела. Я останавливался и вслушивался, но нигде ничего не было видно и ничего не слышно, словно я находился в бескрайнем белоснежном вакууме. Я стал рассуждать, что при появлении медведя, стоит мне только промахнуться – и моё дело совсем будет плохо. Ибо уже тогда я знал, что шатун-самец весом от пятисот килограмм даже с места прыгает на восемьдесят метров. И стоит мне допустить с первого выстрела роковой промах – я покойник. А как белый медведь умеет ловко снимать скальп – мне тоже было известно не понаслышке, а по тем случаям, которые у нас на острове произошли уже в мою бытность. Именно в эти минуты во мне поселился жуткий, животный страх. Я чувствовал, как мороз пронизывает меня и сковывает всю мою грудь, спину, руки и другие части тела. Я тут же дослал патрон в патронник и постарался несколько раз прицелиться по одному из торосов. Вероятность неожиданной встречи со зверем натолкнула меня на мысль, что надо постоянно передергивать затвор карабина, чтобы он в случае чего не застрял от замерзающей с каждым часом оружейной смазки. Так я и брёл, всё время правой рукой потихоньку двигая туда-сюда затвором и зыряя обезумевшими глазами по сторонам. С каждым движением затвора я ощущал, как этот пронизывающий страх всё глубже и глубже погружается в меня. Мои ноги от усталости и тупой трусости перед дикой природой становились ватными и совсем меня не слушались. И хоть говорят, что у страха глаза велики, но в те часы совершенного одиночества страх, как ни покажется странным, был совершенно оправданным и натуральным чувством, ради которого я ещё каким-то образом передвигался. Животный страх становился опорой моего первозданного животного существования и выживания. Без него я бы совсем пропал.

Временами мне хотелось остановиться, присесть, а лучше вовсе упасть и забыться крепким сном. Но свежие медвежьи следы не давали покоя. Они возбуждали приступы всё того же уже прочно поселившегося животного страха и одновременно были теми ориентирами, которые мне указывали хоть какой-то путь. Пусть даже снова в открытый океан или, возможно, даже к ближайшему берегу. Неважно. Главное – хоть какой-то путь!

Я брёл по следам медведя и всё время задавал один и тот же вопрос: «Ну, где же ты, дружок мой? Покажись, наконец-то, и тогда дело с концом. Я больше не могу от этого ожидания. От этой безумной неизвестности. Ты только покажись, и тогда уже само собой выяснится, кто из нас на что способен...». Однако медведя не было, и это совсем разрушало все мои планы и мысли. По сути, если смотреть на всю эту картину со стороны, как я и представлял её тогда, то со мной могло случиться всё что угодно. Ведь опасностей хватало и без медведя. Множество встречающихся трещин во льду,

вереницы торосов, малых и больших, которые я всё более с трудом преодолевал, охлаждение организма от усиливающегося мороза, и, конечно же, присутствие где-то поблизости арктического царя зверей, да ещё одинокого, наверняка голодного, шатуна. Всё это говорило мне, что ты непонятно ещё каким образом сейчас жив.

Устав от этого состояния мыслей и переживаний, я стал равнодушно разглядывать местность, бессмысленным взглядом смотреть на небо. С каждым шагом мне всё становилось безразличным. Безразличным – от возможной встречи с медведем. Безразличным от того, что вообще может произойти со мной через мгновение. Безразличным от мыслей об оставленных солдатах, о которых я уже совсем не переживал, как ранее, в начале пути. Скорее, даже не думал о них. В эти часы одиночества я даже почему-то позавидовал им, тем сумасшедшим бойцам, которые сейчас пребывали в относительной безопасности в нашем уютном балке, по сравнению с моим положением. Наконец, безразличным оттого, что я просто могу от всего этого сойти с ума. Просто свихнуться. «Зачем я от них ушёл? – примитивные муки совести вконец истерзали меня. – Кому это было нужно? Вот дурак! Какой же я всё-таки дурак!»

Мне всё более становилось всё безразлично до тех пор, пока вместо этого чувства в моей душе не появилось новое, неизведанное мне чувство покоя и смирения. В этот момент я был настолько ничтожен и незаметен, что осознавал себя крохотной песчинкой в этом бесконечном белоснежном мире. От моего понимания, что человек – это царь природы, не осталось и следа. Меня вдруг осенила мысль, что есть какая-то одна, совершенно непостижимая сила, которая всех в этом мире устраивает, всеми нами управляет, всех нас хранит и бережёт. Хранит несмотря ни на что. Во все времена и обстоятельства. Я тогда ничегошеньки не знал о Боге, я был совершенно не верующим. Мне не ведомы были никакие молитвы. Я, естественно, не имел никакого отношения к церкви и подобным вещам. Каким богам молиться в моём положении, я действительно не знал. Я, можно сказать, был из комсомольского, атеистического племени материалистов. Но сейчас всей своей кожей, всей шкурой я стал ощущать на себе эту неведомую, эту бесконечную благостную силу, которая безраздельно распоряжается этим миром, которая сохраняла каждый мой вздох, каждый мой взгляд и моё первозданное животное существование в этой природе – такой же первозданной, не изведанной моей волей, сутью и моими чувствами. Всё в этом мире казалось мне одной сплошной запредельной тайной. Теперь же, непонятно отчего даже мой привычный глубинный страх стал рассеиваться как туман. Ибо я понял, что эта тайна и есть та неведомая мне сила. И вдруг я ощутил на небе яркое солнце. Оно светило как предвестник радости и всеобщей гармонии в моей душе.

Чем более я размышлял на эту тему, тем более успокаивался. Каждая клеточка моего организма наполнялась каким-то странным покоем и уверенностью, что всё кругом, всё со мной и вообще со всеми нами будет хорошо. И даже просто замечательно. И что это всё окружающее есть во мне, и я во всём этом. А значит, есть какой-то смысл и ясность во всём этом безбрежном пространстве. Безмятежная полярная тишина сейчас мне уже казалась не такой дикой и таинственной. Не такой пугающей и бессмысленной. В ней я находил что-то теплое и спасающее от страха и смерти. Какое-то странное чувство радости переполняло меня. Оно, как страх прежде, стало наполнять все клеточки моего уставшего организма, избавляя меня окончательно от всех мрачных переживаний. Эта радость стала придавать мне новые, невидимые для меня потоки энергии. Меня словно некая обволакивающая благая весть заставляла увериться, что над нами существует тот самый Творец мира и вселенной, о котором я не раз читал в философских книгах, но не ощущал его реально. Та самая Истина, тот самый Дух правды, без которого нам нет жизни не только на этом заброшенном в арктических просторах острове, но и вообще на земле, во всей вселенной. Причем этот Творец существует реально, а не абстрактно. Он существует не в книгах, а здесь, наяву, сейчас. С нами, всегда и везде. При любых обстоятельствах и при любом раскладе нашей жизни. Наконец я понял, что у меня совершенно чудным образом появляется новая живая вера, что над нами именно он – Бог Вседержитель, творец будущего Века. Что на место моих идеологических блужданий проникает что-то совершенно новое, непостижимое, но такое родное и значимое.

«И как только я раньше этого не понимал! – будоражили воспалённое сознание мои новые мысли. Неведомые мне. Моё новое открытие. – Почему я не смог этим поделиться с ними, моими такими близкими, такими дорогими помощниками раньше! Почему всё так бездарно случилось? Почему я теперь один, а они там! Ведь это – неправильно, несправедливо!»

Все эти мысли заставляли меня скорее спешить к ним, хотя я ещё по-прежнему находился в какой-то слепоте и опасении перед моими изголодавшимися помощниками. Но интуитивно всё-таки видел, что цель моя уже близка и снова я окажусь рядом с ними. В безопасности и в нашем примитивном, счастливом уюте. Наконец-то я смогу им всё объяснить, поделиться главным и сокровенным моим открытием. Убедить их сохранять спокойствие и веру в лучшее, что бы с нами ни случилось в дальнейшем.

Незаметно для себя, совершенно чудным образом успокоившись и находясь в приподнятом, почти восторженном состоянии духа, я, наконец, заметил очертания настоящего, а не призрачного берега. Мне показалось, что я со страха прошёл более десяти или пятнадцати километров. Немыслимое арктическое расстояние для одинокого путника без снаряжения и припасов. Затем я уже отчетливо видел над обрывом первый триангуляционный знак – береговой символ ориентации для проплывающих кораблей. Этот знак, – словно символ новой неведомой моей духовной жизни, – совсем приободрил меня, и я зашагал ещё более уверенно.

Спустя какое-то время я уже был на берегу, среди заброшенных ржавых никчемных пустых бочек, скопившихся здесь после многих «навигаций». А ещё через какое-то время я отыскал вдали наш балок, до которого мне предстояло пройти еще пару километров.

Сколько времени я отсутствовал – я не помню. Помню только, что, оказавшись, наконец, возле балка, я бесстрашно распахнул открытые двери и увидел двух с побледневшими лицами, испуганных солдатиков. Они сидели с понурыми носами и дикими, испуганными глазами смотрели на меня, словно на привидение. Тут я понял, как на них подействовало моё отсутствие.

Мы тут же обнялись, словно не виделись вечность. Словно не было родней нас друг для друга. Запуганные до смерти моим длительным отсутствием, они ничего не говорили. Они что-то, возможно, интуитивно понимали, но не могли умно и толково объясниться. Рядовой Долгих, не охотник до разговоров, всё время лепетал:

– Где же вы столько времени были, товарищ лейтенант? Как же это так? Совсем пропали! А мы-то и не знали, что думать, что делать. Вас-то нигде не было.

– Боялись выходить. Медведь же кругом бродит! Опять приходил и стучал по стене... – проговорился дрожащий от ужаса Василий о том, что они, от страха за свою жизнь, даже и не думали меня искать.

Я, чтобы не смущать моих приободрившихся помощников, совершенно спокойно произнес:

– Обследовал соседние бочки и запасные ёмкости. Приказ командира...

– И вы не побоялись там ходить? – осторожно спросил Василий, и было непонятно, на что он намекает.

– Нет, – соврал я.

– А мы так испугались... за вас испугались. Это же почти полдня вас не было... – дрожал от пережитого испуга уверенный до этого голос Долгих.

– Мы уж думали, может, чего случилось! Может, вас уже медведь... Мы так перепугались, товарищ лейтенант! Простите нас... – смотрел на меня немного приходивший в себя Василий и всё не мог понять – почему я такой спокойный и уверенный?

А я даже и не показывал вида, что вижу их страх и трепет, в который они погрузились за эти долгие, томительные часы моего отсутствия. Разместившись поудобнее у себя на лежаке, я как ни в чём не бывало снова принялся читать Пушкина.

С той минуты в нашем замкнутом царстве поселились мир и безмятежность. Нам даже совершенно не хотелось есть. Чувство голода абсолютно покинуло нас.

– Может, почитаете вслух? – неожиданно попросил робкий голос Долгих.

– С удовольствием! – обрадовался я и принялся читать моим помощникам драматические сцены из «Моцарта и Сальери».

В эти минуты каждый из нас испытывал счастье, что мы все живы и здоровы. А что ещё нам нужно было теперь, когда весь мир для нас стал совершенно иным?

Уже не помню, каким таким чудным образом появилась радиосвязь с базой. А вскоре за нами приехали командир с замполитом. Долго и подробно никто ни в чём не разбирался. Через день доставили новый бензонасос и работы продолжились. Но уже с другим офицером и другими солдатиками, которые сменили нас на этом посту.

В расположении радиолокационной роты, где мы служили, об этой истории, о моей внезапной отлучке мои солдатики не распространялись. Обо всём, что с нами произошло, никто так и не узнал. Всё это мы хранили как какую-то особую важную тайну.